

ГЛАВА 10

Дорога в Зосимину пустынь начинается днесь

Напомним решившемуся идти с нами в Зосимину пустынь читателю, в каком пространственно-временном измерении она находится. Пространство мы назвали душевным, а как назвать время, в котором расположена Зосимины пустынь? Вечностью? Но что такое вечность? Где она начинается? Неужели она не имеет конца? На все такие вопросы мы попытались ответить в 9-ой главе. Оказывается, мы живём в вечности, но не замечаем её, тогда как, чтобы заметить вечность, нам достаточно одного мига.

Зосимины пустынь стоит в долготе дней, о которой готовящийся ко Святому Причастию молит Господа: *И милость Твоя поженет (*) мя вся дни живота моего: и еже вселити ми ся в дом Господень, в долготу дней* (Пс.22:6). Что же такое долгота дней? Та же вечность? Но если в вечности нет измерения времени, какие там могут быть дни? И как вечность может длиться?

(*) Так и хочется произвести слова «пожену» и «изжену» от слова «жена». Но связаны ли церковно-славянские «пожену» (Лк.17:23), «изжену» (Ин.6:37), «разжену» (Пс.143:6) с «женой» и «женитьбой»? Нет, не связаны, решительно говорит словарь прот.Дьяченко, и производит их от санскритского слова женја – война, а глагол «жену» переводит как «преследую, гонюсь, стремлюсь». Значит, милость Божия в приведённом стихе из Псалтыри не просто покроет и сохранит, но даже догонит меня, если я почему-либо начну от неё убегать. Также и другой псаломский стих: *взыщи мира и пожени и* (Пс.33:15) учит не просто искать душевного мира, но именно преследовать, догонять и усваивать его изо всех сил.

Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день (2Пет.3:8). В этих словах Священного Писания тоже сказано о днях, но сказано так, чтобы лишить всякого смысла их подсчёт. Апостол Петр говорит не о днях и не о тысячелетиях, а о том, что одно только время у Господа – Его долготерпенье. У Господа – вечность, а если Он когда и сверяет с чем-либо Свои часы, то лишь с одной только Своей любовью к созданному Им миру.

Эти Апостольские слова говорят о том, что у Господа нет прошлого и будущего, что время для Него одномоментно, и что судить Он будет человека по тому, в чём его застанет. Эти слова Апостола подтверждают также нашу мысль о равенстве мгновения и вечности. Потому как, если принять *один день* за мгновение и *тысяча лет* за вечность, то можно сказать, что для Господа мгновение – как вечность, и вечность – как мгновение.

Одномоментность вечности и мгновения, в которой стоит Зосимины пустынь, можно назвать «присновременем». Отдаю на суд читателя это слово, но мне оно нравится уже потому, что в нём есть слово «присно». Слово «присно» в миру забыто, и легко понять, почему. Потому что оно – молитвенное, а наш затейливый мир изо всех сил

старается забыть обо всём, что связано с молитвой. Мир готов придумывать что угодно и заниматься чем угодно, лишь бы только не молиться.

Все сложные слова, составленные со словом «присно», относятся к вечной жизни. Приснопамятный, приснохвальный, присноблаженный, присноживущий, присносущный... Божия Матерь названа Церковью Приснодевой в ознаменование того, что Она до Рождества была Девой, в Рождестве пребыла Девой, и после Рождества осталось Девой. Но я бы дерзнул истолковать приснодевство Божией Матери без деления на времена, т.е. как девство изначальное и неизменное. Но для такого объяснения нужно в предыдущую главу возвращаться, а хотелось бы идти вперёд.

Мы ещё с литературой не до конца разобрались. Мы про Пушкина, например, речь не вели, и внимательный читатель мог заметить, что выпущенные в литературу снаряды вокруг писателя Пушкина ложились, а по не нему не попадали. С чего бы это? Да всё с того, что о главном мастере задорного цеха русских писателей нужно говорить особо. И мы ещё поговорим о Пушкине, но нужно помнить, дорогой читатель, зачем мы всё это говорим. Нужно нам всегда иметь перед глазами цель разговора и не забывать, что не ради литературы затеяно это сочинение, не ради какого-то оригинального взгляда на русскую историю пишутся эти строки, но ради вот этого самого присновремени, т.е. времени выпадения из времени; времени, стоящего над земной историей, над всякой человеческой мыслью и переживанием. Лучше же сказать, не выпадения, но – впадения в вечность. Присновремя это время молитвы, но не то урочное время, которое отмеряется нами для церковной или домашней молитвы; присновремя это миг прорыва в вечность.

«Ну, а если таких мгновений ни одного не случилось за многие и многие часы молитв. Что тогда?»

Тогда надо признать, что присновремя не коснулось молящегося. Впрочем, если читателю не нравится выражение «присновремя», не будем настаивать. Воспользуемся хорошо известным словом «днесь», тем более, что «днесь» равно «присно». Мы об этом в предыдущей главе говорили, что недлящееся ныне, т.е. днесь равно недлящемуся всегда, т.е. присно. В послании ко Евреям Апостол Павел в пределах 25-ти стихов многократно повторяет одну и ту же мысль Псалмопевца: *днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших* (Пс.94:7-8).

...наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: «ныне», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом (Евр.3:13).

...доколе говорится: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота» (Евр.3:15).

...еще определяет некоторый день, «ныне», говоря через Давида, после столь долгого времени, как выше сказано: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших». (Евр.4:7).

Что значат Апостольские слова: *доколе можно говорить: «ныне»?* Что значит: *определяет некоторый день, «ныне»?* Что это за день? Везде, где в русском переводе употреблено слово «ныне», в церковно-славянском стоит «днесь», а в греческом – «симерон». «Симерон» это, конечно, не «ныне», для которого в греческом языке есть слово «нин». «Симерон» это именно «днесь», т.е. застывшее навечно «ныне». «Симерон-днесь» в данном контексте можно истолковать как молитвенный покой, в который возможно войти только с не ожесточенным сердцем.

Апостол говорит, что *паки некий уставляется день, днесь* (Евр.4:7), и этот день – днесь, т.е. время молитвенного отдохновения от всякого земного попечения. Днесь это – молитвенное субботство, т.е. буквально понимаемое в Ветхом Завете время покоя, ставшее в Новом Завете временем молитвенного отложения всех забот. Потому что молитва выводит человека из «ныне» и вводит его в «днесь», т.е. Божий покой. Но опять же, не всякая молитва обладает таким действием, а только молитва нежесточенного и облагодатствованного сердца. *Потщимся убо внити во оный покой, да не кто в туже притчу противления впадет* (Евр.4:7) – так завершает Апостол данный раздел своего послания.

Потщимся и мы, дорогой читатель, внити в Зосимину пустынь. А для этого надо иметь нежесточённое, т.е. непротивящееся званию Божию сердце. Ведь это именно Он ведёт нас по пустыне мира. Именно Он выводит нас из «ныне» в Свой вечный покой. Думать же, что мы сами идём – слишком самонадеянно. Не мы идём, нас ведут, но от нас требуется – не сопротивляться Божьему гласу, раздающемуся в мире. Его слышит всякий человек без исключения, но одни откликаются на него, а другие нет. *Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим* (Евр.4:1).

Тем паче, что дорогу в Божий дом нам указывают истинные угодники Божии Преподобные Зосима и Василиск. И мы уже недалеко от цели, но опять они, опять эти богопротивные замыслы и литературные превозношения, словно призраки, встают справа и слева по пути. Они сбивают, манят и прельщают крестьян. *Но утешайте себе на всяк день, дондеже днесь нарицается: да не ожесточится некто от вас лестью греховною* (Евр.3:13).

Над пропастью во лжи

Поговорим о Пушкине, читатель? Но ведь о нём столько написано, столько сочинено, столько снято и поставлено, что ещё говорить? Пушкиноведа изучили каждое его слово и каждый его день. Если бы столько же, сколько мне было сказано в своё время про Пушкина в школе, в институте и всюду, было бы сказано мне о Христе Боге, что было бы со мной?

Действительно, что бы было, если бы я с детства был воспитан в вере? Но весь вопрос в том: как воспитан? Дело ведь не в количестве разговоров, дело в их качестве. Мы об этом в 4-ой главе говорили, что учение учению рознь. Иной учитель может так научить, что желание учиться самостоятельно будет отбито навсегда, и иными уроками о вере можно научить полному безверию. Поэтому, может, и хорошо, что ничего не говорили мне в детско-юношеские годы о Боге, иначе бы не моим отцам (см.Лк.11:47), а мне самому пришлось бы устраивать революцию, чтобы защитить имя Божие и свою совесть от утративших истинное понятие об едином Учителе (ср.Мф.23:8) учителей – от книжников и фарисеев.

Итак, о Пушкине. Называть Пушкина пророком так же смешно, как называть его апостолом. Даже не смешно, но богохульно. Почему же называли? Почему произошла у русских людей эта кощунственная подмена, что А.С.Пушкин стал для них пророком? И кто додумался? Достоевский, прот.Булгаков, Ильин...

Начнём с мелкого, со статьи И.Ильина «Пророческое призвание Пушкина». Эта статья изобилует самыми неумными восторгами и раболепными признаниями, которые местами противно читать. Воспитавшие меня советские идеологи тогдашним правительственным гениям такой хвалы не пели, как поёт её Пушкину этот вития.

«Отпадают все временные, условные, чисто человеческие мерилы; все меньше смущает нас то, что мешало некоторым современникам его видеть его *пророческое* призвание, постигать *священную* силу его вдохновения, верить, что это вдохновение исходило от *Бога*. И все те священные слова, которые произносил сам Пушкин, говоря о поэзии вообще и о своей поэзии в частности, мы уже не переживаем, как выражения условные, "аллегорические", как поэтические олицетворения или преувеличения. Пусть иные из этих слов звучат языческим происхождением: "Аполлон", "муза"; или – поэтическим иносказанием: "алтарь", "жрецы", "жертва"... Мы уже знаем и верим, что на этом алтаре действительно горел "священный огонь"; что этот "небом избранный певец" действительно был рожден для вдохновения, для звуков сладких и молитв; что к этому пророку действительно "воззвал Божий глас"; и что до его "чуткого слуха" действительно "касался божественный глагол", - не в смысле поэтических преувеличений или языческих аллегорий, а в порядке *истинного откровения*, нашего, *нашею верою веруемого и зримого Господа...*». (Везде курсив автора, - Г.С.).

«Пусть иные из этих слов звучат языческим происхождением...» Эта фраза звучит как плохой перевод. Я бы написал: припахивают духом язычества. Или ещё точнее: воняют им. «Мы уже знаем и верим...» Кто эти «мы», верующие в Пушкина-пророка? Православная Церковь таких пророков не знает, и православный христианин никогда не поверит, что стихотворения Пушкина есть «истинное откровение нашего, *нашею верою веруемого и зримого Господа...*», если ему не будут этого внушать. А ведь эту ложь христианам именно внушают: «мы уже знаем и верим...». И как мудрёно всё заверчено: «нашего, *нашею верою веруемого и зримого Господа...*». Дважды повторяется слово «наше», причём, второе «наше» выделено курсивом: «*нашею верою*». Кто же это такой – нашей верой веруемый Господь? Господь Он и есть Господь, а что такое веруемый или неверуемый? Из выражения «веруемый Господь» выходит, что Он зависит от нашей веры. Но ведь это бред. Ох-ох-ох, хлебом не корми этих книжников, дай только чего-нибудь словесно завертеть.

«С тех пор в России есть *спасительная традиция Пушкина*: что пребывает в ней, то ко благу России; что не вмещается в ней, то соблазн и опасность. Ибо *Пушкин учил Россию видеть Бога и этим видением утверждать и укреплять свои сокровенные, от Господа данные национально-духовные силы*». (Везде курсив автора, - Г.С.).

Здесь что ни слово, то ложь. Не верьте этой лжи, крестьяне. Пушкин, если и научил чему Россию, то как раз обратному: литературно-художественному маскараду. Богобоязненности и благочестия он своими стихами России точно не прибавил. Как же можно утверждать, что «Пушкин учил Россию видеть Бога»? И что такое «спасительная традиция Пушкина»? Неужели это напитавшееся его стихами писательское племя пустословов, столкнувшее Россию в пропасть, и есть «спасительная традиция Пушкина»?

«Что пребывает в ней, то ко благу России; что не вмещается в ней, то соблазн и опасность»? Но ведь всё наоборот, чем дальше от соблазнов пушкинской поэзии будет держаться верующий человек, тем вернее его спасение. Если не верите мне, почитайте роман жертвы этой «спасительной традиции» Б.Садовского «Пшеница и плевелы». Жертвой же он назван мною потому, что хотя и старался Садовской выпутаться из вымышленного мира литературы, но так, по-моему, и остался в нём одной ногой.

Впрочем, буду рад ошибиться в оценке творчества упокоившегося на кладбище Новодевичьего монастыря раба Божия Бориса (†1952).

«Из его уст раздался и был пропет Богу от лица России гимн радости сквозь все страдания, гимн очевидности сквозь все пугающие земные страхи, гимн победы над хаосом. Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая "Осанна", осанна искреннего, русским Православием вскормленного миропрятия и Богоблагословения, осанна поэта и пророка, мудреца и ребенка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский».

Что пишет этот человек? Открывал ли он русскую историю? Знает ли о сотнях и тысячах русских святых воспевавших не языком только, т.е. не змеиным жалом, вместо языка вставленным (*), но своими жизнями, своими делами и телами славу Божию? Зачем же так врать? «Впервые от лица России и к России...» Просто диву даёшься вошедшему в раж (**), лицемерию. Впрочем, если «от лица России», а не от Руси, т.е. если под Россией понимать иную, отличную от Руси страну, а под российской осанной отличную от русской осанну, то соглашусь с этим утверждением Ильина. Но об этом мы поговорим ниже, а здесь пока поставим галочку.

(*) «И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой...». Даст Бог, мы ещё поговорим об этом стихотворении А.Пушкина под названием «Пророк».

(**) Слово «раж» в словаре В.И.Даля произведено от фр.gage – бешенное желание, чрезмерное рвение, стремительность. Не самим В.И.Далем, конечно, указана эта этимология, но его редакторами. Нам же остаётся удивляться безчувственности, а лучше сказать, языковедческим шорам редакторов Далевского словаря, которые ищут русские корни во французском языке. Эта безчувственность тем более удивительна, что самим В.И.Далем слово «раж» в словарной статье «ражий» связывается со словом «рожать». Даль пишет: «Судя по значению слов *родный* (матерый) и *дородный, ражий* одного корня с ними, от *рожать*».

«...осанна /.../, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский». Почему именно эти имена выбраны Ильиным, чтобы поставить их в ряд с Пушкиным? Загадка. Но если Гераклит и Шиллер там поставлены, значит, эта осанна не могла быть вскормлена русским Православием. А если она всё же им вскормлена, то о такой осанне не могли мечтать Гераклит и Шиллер. Понимает ли автор, что он пишет? Понимает ли, что в голове у него – каша? Понимает ли, что смешивать в одну осанну Гераклита, Шиллера, Пушкина и Достоевского это – бред? И хорошо ещё, если эта ложь бессознательная, а если сознательная?

«Движимые глубокою потребностью духа, чувствами благодарности, верности и славы, собираются ныне русские люди, - люди русского сердца и русского языка, где бы они ни обретались, - в эти дни вековой смертной годовщины их великого поэта, у его духовного алтаря, чтобы высказать самим себе и перед всем человечеством, *его* словами и в *его* образах *свой национальный* символ веры. И, прежде всего, - чтобы возблагодарить Господа, даровавшего им этого поэта и мудреца, за милость, за радость, за непреходящее светлое откровение о русском духовном естестве и за великое обетование русского будущего». (Везде курсив автора, - Г.С.).

«... у его духовного алтаря». Что значит: духовный алтарь великого поэта? Я знаю только один алтарь – Божий. Или у Пушкина свой алтарь, в его честь сооружённый? «Да,

- говорит Ильин. - Не только свой алтарь, но своя вера, свои образы, свои слова, на которых совершается служение, даже свой символ веры, который высказывается перед всем человечеством». Не хватает только словечка «прогрессивное» перед словом «человечество». Господи, помилуй! Кто это пишет? Язычник? Христианин? Или уже кто-то иной?

Вера прежде всего высказывается Богу. Разве хотели что-либо высказать «всему человечеству» Преподобные отцы, искавшие единственно – Богообщения? В поисках Бога они, наоборот, уходили в леса, *в пустынях скитающиеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных* (Евр.11:38). И только потому, что среди «всего человечества» рождались люди, так безоглядно любившие Господа, Он миловал это человечество. А тут нас призывают совершенно не по-русски, беззастенчиво и нецеломудренно высказать свою веру «перед всем человечеством». И ладно, если бы эта вера была Православной, а то ведь нам навязывают какую-то свою национальную веру. Выражение «*свой национальный* символ веры» меня всерьёз настораживает. Но поставим здесь вторую галочку, как поставили её выше, говоря о Руси-России.

«Ибо иметь такого поэта и пророка - значит иметь свыше *великую милость и великое обетование*». (Везде курсив автора, - Г.С.). На этом статья заканчивается. Поток лжи иссяк.

Литература, знай своё место!

Прошу читателей понять меня правильно. Я нисколько не хочу опорочить поэта и тем более человека А.С.Пушкина. Мне он дорог не менее, чем Ильину. Вы видите, что многие слова идущего «В Зосимину пустынь» путника пронизаны воспоминаниями из Пушкина. Самое определение жанра - роман со стихами (*) - хотя и ёрнически, но взято мною из Пушкина, который своего «Евгения Онегина» определил как «роман в стихах». Повторю, мне дорог наш поэт, но я против именованя его пророком, и против лжи, неизбежно возникающей из такого именованя.

Пушкин – великий поэт и точка. И не нужно приколачивать над его головой пророческого нимба, потому что всякому непрельщённому пушкинской поэзией видно, что этот нимб – картонный. Не нужно разжигать психически нездорового возбуждения вокруг, конечно же, вдохновенного, но всего лишь человеческого творчества Пушкина. Не нужно разливать потоков лжи, величая Пушкина пророком, и пачкать этой ложью всех приближающихся к нему. Не надо провозглашать его стихи «откровением» и творчество «божественным», как это делает Ильин, потому что оно было и остаётся всего-навсего художественной литературой. А литература, как тень, как собака, должна знать своё место. (**). В противном случае выйдет ложь подобная рекламной. Помните, мы говорили, как рекламная акция делает вольными и невольными лжецами всех её участников?

(*) В нашем романе нет ничего, что присуще настоящему роману: ни завязки, ни развязки, ни сюжета. Почему же он назван романом? Мною взято слово «роман» не в литературоведческом, но в разговорном значении. Когда хотят сказать о чьих-либо особых отношениях, то говорят: у них роман. В таком именно смысле и наше произведение носит подзаголовок: роман со стихами Священного Писания.

(**) «Определите место, где и для чего должна пребывать литература?» - был задан автору вопрос. Что он ответил? Указать каждому человеку, какое место в его жизни должна занимать литература, я, разумеется, не могу. Это вопрос личный. Так же как вопрос с собакой. Жить ли совместно с ней в общем помещении, как в одной конуре, или выделить собаке собачье место на улице? Этот вопрос каждый человек решает сам для себя.

Возникает вопрос: зачем же стараются изготовители картонных нимбов? (*) Что движет ими? Сознательная ложь или бессознательная, т.е. прелесть? Это один Бог ведает. Но, обратив свой взор к Евангелию, мы можем предположить, что нужно такого рода учителям и ревнителям, которые все дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель! (Мф.23:5-7). Согласно Евангелию мы можем предположить, что нужно устроителям шумных рекламных акций и производителям картонной мишуры. Им нужно, чтобы их дела видели люди, чтобы увеличивались тома их сочинений, чтобы председательствовать им на литературных вечерах, чтобы, наконец, люди звали их: мастер! учитель! (**)

(*) «Этими изготовителями являются Ильин и К? Может, ещё назовете, чтобы люди знали, от кого шарахаться?» - спросили автора с иронией. Без всякой иронии он ответил: «К философу И.А.Ильину добавим писателя Г.П.Федотова, о творчестве которого мы поговорим в других главах».

(**) «Господи, помилуй! За что же вы сразу к таким приговорам?! Да они искренно любят, ценят и благодарны Пушкину», - воскликнул читатель. «Пусть любят его молча и про себя, и не уведят христиан со святоотеческого пути на путь пушкинский», - буркнул в ответ автор.

Значит, истина им в любом случае не нужна? Ни в случае сознательного с их стороны обмана, ни в случае бессознательного? Совершенно верно, истина им не нужна ни в каком случае, потому что лишит их перечисленных выше благ. (*) И потому не важно, знает лжец или не знает, догадывается он или не догадывается, что возвещает ложь – итог в обоих случаях одинаков: *если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф.15:14). Но как же тогда быть? Как не упасть в яму? Как разглядеть её?

Друг мой, эта яма внутри тебя. Ложь, размазанная в человеке, не даёт ему видеть истину. Поэтому научись прежде всего не лгать самому себе, и тогда увидишь ложь внешнюю. *Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их* (Мф.23:26). Эти Христовы слова приложимы к каждому человеку, потому что все мы перед Ним – фарисеи, *от них же первый есмь аз* (1Тим.1:15). *Всяк человек ложь* (Пс.115:2), и это надо твёрдо помнить, чтобы до скончания жизни выдавливать из себя лицемера.

Упоминавшийся нами Б.Садовской, когда начал подчищать внутренность своей писательской чаши, вернее же сказать, по ниспосланной ему Божией милости (**) стал

выпутываться из сетей «спасительной традиции Пушкина», то увидел, что: «В Пушкине, как в золоченом орехе, кроется яд невероятной разрушительной силы; у церковных людей этот яд называется соблазном. Только действие его не скоро скажется. Ох, не скоро!» (***)

(*) «Какой долгий перечень статей в этом прокурорском заключении! Такое впечатление, что вас иной раз как бы несёт желание ругаться», - сказали автору по прочтении этих слов. Да, автора несёт, ещё как несёт. Всех фарисеев в капусту порублю! За Родину! За Сталина! За бессмысленно пьяную молодость! За преданную веру! За ложь и враньё! Всех покрошу! Вы слышите мою улыбку, читатель? Хотя какие тут могут быть улыбки? Тут слезы. Оба моих деда остались лежать навечно один в Синявинских болотах под Ленинградом, другой под Новгородом. За кого они отдали свои жизни? За Сталина? За Христа?...

(**) Милостью Божией к Борису Александровичу была частичная парализация тела и безысходное жительство с конца 20-х годов и до самой смерти в подвале под алтарем Красной церкви Новодевичьего монастыря. А особенной Божией милостью к нему было знакомство с епископом Варнавой (Беляевым), который помог Садовскому воцерковиться.

(***) Б.Садовской. Роман «Пшеница и плевелы» (1936-1941).

Садовской вложил эти слова в уста «длинноногого толстогубого» персонажа по имени Нестор Кукольник. Но думал ли так невымышленный драматург Кукольник? Думал ли так сам Садовской? Неизвестно. Потому что всё это опять таки – литература, т.е. пустые слова. И всё же разберём их.

Определение литературе дано удачное – золочёный орех с ядом, но действие его описано неверно. Разве яд это бомба с часовым механизмом, которая через какое-то время взрывается с невероятной разрушительной силой? Яд действует в зависимости от дозы, и если не сразу убивает человека, то либо выводится из организма, либо откладывается в нём. Причём, второе, говорят, даже полезно, поскольку хранящаяся в организме малая доза яда способствует выработыванию противоядия при возможных следующих отравлениях.

Вот так и живём мы в этом ядовитом, вернее же сказать, в отравленном прародительским грехом мире, что даже яд идёт на пользу, лишь бы его дозы не превышали норм. Как у вас с ядом, читатель? В норме? Смотрите, не увеличивайте его потребления.

«Допустим, - откликнется читатель, - что яд действует именно так. Но почему вы ядом называете литературу?»

Потому что литература это то, чего не было, а Священное Писание это то, что было, будет и есть. Увы, церковные книги теперь тоже зовутся литературой. Но главная особенность церковной литературы заключается в том, что она, начиная с Ветхого Завета, представляющего собой историю древнееврейского народа, и Завета Нового, который в основе своей является безыскусным рассказом о земной жизни воплотившегося Бога и Господа нашего Иисуса Христа, продолжая творениями Святых отцов, которые все написаны из пережитого опыта, и заканчивая жизнеописаниями

российских Новомучеников, где первое и основное место занимают факты, так вот главная черта церковной литературы – отсутствие в ней какого-либо вымысла. Вот почему *живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого* (Евр.4:12) каждое слово 3000-летней Псалтири! Вот почему Евангелие, а не Гераклита с Шиллером открывает ищущий смысл жизни человек. Вот почему к святоотеческому сборнику Добротолюбия, включающему сочинения 1600-летней давности, томимые духовной жаждой и поныне припадают, как путники к долгожданному роднику, хотя вещество видимого мира с тех пор неузнаваемо переменялось.

«Не всё сразу, - заметили автору читатели. - Сначала что-то в сердце должно родиться – потребность найти ответ на возникший вопрос или крайняя скорбь и осознанный тупик жизни. И Евангелие человеку не всегда сразу открывается – по мере делания. Сложный, очень таинственный процесс. А вы сразу перескакиваете через пропасть, отделяющую ищущего от не ищущего, от начала искания смысла жизни сразу к чтению Псалтири переходите. Да и что это за клише – «искание смысла жизни»? У людей этот процесс происходит незаметно и сокровенно даже для них самих. И многие годы должны пройти, пока не откроется ищущему одна единственная Правда – Христос, а вскоре, но не сразу – Его Церковь, без которой нет спасения».

Дорогой читатель, если я через что-либо перескакиваю в своём сочинении, то не через пропасти. На самом деле и пропастей-то никаких нет. Они вырыты книжниками Ильиными и Федотовыми в читательских головах, а не в действительности. На самом деле – *небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь* (Пс.18:2). Нужно только, чтобы увидеть славу Божию, почаще смотреть в лицо живых небес и пореже в литературу.

«Каждый пишет о своём, - резонно заметит читатель. - Церковный о небесном, светский о земном. Зачем же оскорблять последнего, называя его труды ядом?»

А разве выдумка это не яд? Разве кормить свой ум тем, чего не было, и заставлять его переживать над небылицами, не значит травить его? Разве жить литературными призраками не значит вытравлять действительную жизнь пустотой и рисковать своим вечным спасением? Между прочим, именно вымысел (*вы будете, как боги, знающие добро и зло*) вложил змей-искуситель в ум прародительницы Евы, когда совершил своё черное дело.

Горе миру от соблазнов, - говорит Господь и удивительно продолжает, - *ибо надобно придти соблазнам* (Мф.18:7). Зачем же нужны соблазны, если от них горе? Не затем ли, чтобы, сопротивляясь действию малых доз, учиться вырабатывать противоядие большим?

«Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божиим касательно враждебных Израилю народов, как читаем в книге Судей: *сия языки, яже остави Господь, да искусит ими Израиля... еже научити я брани* (Суд.3:1-2). Таковую брань устроил Господь не потому, чтобы не хотел покоя Израилю, или не имел попечения о его благе, но потому что видел, как много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападению тех народов (читай: нападению культуры, - Г.С.), он не мог не чувствовать постоянно нужду в помощи Божией, и потому должен был пребывать во всегдашнем уповательном обращении к Нему, и в молитве. Не имея возможности оставить дело брани, не имел он времени предаться и беспечности, или расслабеть от

лености и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья». (*)

Значит, и яда светской культуры нужно немного держать в уме (**), чтобы уметь противостоять её ядовитому напору. Главное не передозировать. Так вот с Пушкиным наши отцы-книжники передозировали.

(*) Святой Иоанн Кассиан Римлянин. О борьбе плоти и духа. Добротолюбие, т.2.

(**) «Не подскажите ли, сколько? Где грань? В сочинении с проклятиями и оскорблениями нужно быть точным в определениях мер и весов». Что ответил автор на вопрос о том, как установить допустимую дозу культурного яда в человеческом и в общественном организмах? Это как в случае с собакой – каждый человек решает сам, где ему жить: в конуре или в квартире. Впрочем, возьмём другой пример. Какая может быть мера безвредного потребления алкоголя? У водителей она одна, у собравшихся за праздничным столом – другая, у пьяниц – третья, причём у каждого их них – личная норма. А в итоге? В итоге каждый человек и каждое общество устанавливает для себя свою норму потребления алкогольного и культурного яда.

Суетные человеки

Вернее сказать, не распознали опасного действия пушкинского литературного гения и не ощутили сокрытого в нём яда. А ещё вернее, не захотели его ощутить, потому что сами были с головы до пят литераторами, т.е. выдумщиками образов. С ними вышло то же, что с самим поэтом, обращавшимся к очередной полубившейся ему барышне: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад».

В чём же обман литературы? В том, что она выдумана? Но ведь произнесённые Господом притчи тоже выдуманы: их не было в действительности. Что же? Назовём Господа литератором? Нет, конечно. *Я говорю то, что видел у Отца Моего* (Ин.8:38). И эти слова Господа Иисуса Христа значат, что каждая Его притча есть выраженный земным языком и в земных понятиях Образ, виденный Сыном у Отца. *А вы делаете то, что видели у отца вашего* (Ин.8:38), т.е. отца лжи. Вот отличие образов и отличие литератур. Оно определяется духовными мирами, из которых берутся образы. Но, чтобы убедиться, что те или иные образы действительно спасительны, т.е. что они взяты из спасаемого Богом, а не из придуманного дьяволом мира лжи, нужна не одна жизнь, не один род и не одно поколение для проверок.

Вспомним, как устанавливался церковью свод книг Священного Писания? Как много было споров и суждений. И поныне в разных религиозных конфессиях существует разное мнение о должном количестве книг в этом своде. Можно даже в отчаянии сказать, что канон Священного Писания не до конца выверен. А если даже такое можно в отчаянии сказать, то спросим любителей художественной литературы, какие безоговорочно спасительные примеры они хотят почерпнуть в литературе, если даже в Священном Писании есть так называемые второканонические книги?

О творимом литературой обмане мы ещё скажем, но неизмеримо большим становится её обман, когда отдельных выдумщиков-литераторов начинают величать пророками, а их сочинения – Божиим откровением. Тут уже ложь из маленького комочка

превращается в огромный ком, а полезное количество яда – в смертельно опасную дозу, которую организм, чтобы не быть вконец отравленным, должен изблевать из себя.

Так всё и произошло. Производимый культурой яд лжи вместо того, чтобы мудро дозироваться в народном организме, увеличивался год от года при возраставшем количестве писателей до тех пор, пока не произошло извержение. Это извержение и наблюдал Б.Садовской из подвала Красной церкви Новодевичьего монастыря, превращённого после революции в филиал Исторического музея, и принял его за взрыв. Но это был не взрыв, это была страшная кровавая рвота. И её, конечно же, не мог предвидеть Нестор Кукольник, сочинённый Садовским, если и сам Садовской за несколько лет до революции был восторженным поклонником Пушкина.

Впрочем, можно извинить Садовского и Ильина, что один более половины жизни, а другой всю свою жизнь прожили в прелести относительно значения Пушкина в русской жизни, тем, что они были миряне, т.е. словесные овцы Христова стада. Спрашивают ли овец, куда их ведут? Спрашивать нужно пастырей, как спросил Моисей Аарона, когда сжег тельца, слитого братом: *что сделал тебе народ сей, что ты ввел его в грех великий?* (Исх.32:21),

Написав фразу «словесные овцы Христова стада», я горько улыбнулся. Овцы ли? Христова ли стада? Были бы овцами, слушали бы голос пастырей и не дерзали бы учить. Тогда бы и жизнь свою прожили иначе, как *жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте* (1Тим.2:2). Небезынтересно заметить, что Садовской и Ильин – почти ровесники, оба дворяне, оба прожили на земле по 70-ть псаломских лет (*дни лет наших, в нихже семьдесят лет* (Пс.89:10)). Но если И.А.Ильин умер на чужбине в Цюрихе, то Б.А.Садовской умер на родной земле.

Однако послушаем, чему учили Садовского и Ильина их пастыри. Например, святой Иоанн Кронштадский: «...говорят: я – толстовец; я люблю Пушкина; я – Лермонтова; я – Достоевского; я – Гоголя; я – Тургенева; я – Писемского; я – Крылова; а спроси их: любишь ли ты Евангелие, любишь ли Христа, любишь ли Церковь, церковную службу? Любишь ли читать писания святых отцов и литературу духовную? Получится уклончивый ответ или отрицательный. Ну, как придётся отвечать вам на Страшном Суде, суетные человеки? Нужны ли там вам будут Пушкины, Лермонтовы и проч.? Спросят ли там вашего знания их? Нет. А ведь вы христиане, вы должны быть преданными Богу, народом святым, людьми обновления; учат ли вас Пушкины быть святыми; учат ли небесному житию, обновлению, жизни по Христу, по духу Его!? – Нет». (*)

Но разве праведника и истинного пророка когда-либо слушают? Его либо усердно не замечают, либо побивают камнями, либо распиливают деревянной пилой, потому что он возвещает правду и горе. Кому горе? *Горе тем, которые зло называют добром, и добро - злом, тьму почитают светом, и свет - тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое - горьким!* (Ис.5:20). Святитель Иоанн Златоуст так толкует эти слова пророка Исаии. «Опять он [пророк Исаия] говорит о том же. Так как они оскорбляли пророков и называли их обманщиками, а лжепророков почитали и таким образом извращали порядок вещей, то он возвещает им горе за превратное суждение. *Горе*, - говорит, - *глаголющим лукавое доброе*, т. е. лжепророчество, и *доброе лукавым*, т.е. пророчество /.../ Хотя и тяжки, - говорит, - слова пророков, но нет ничего слаще их, так как они словесными угрозами избавляют от бедствий на деле; и хотя сладки слова лжепророков,

но нет ничего горче их, так как они прелестью слов навлекают действительную угрозу» (6, 76).

(*) «Слово святого праведного Иоанна Кронштадтского обращено к современной ему безбожной интеллигенции, к тем, кто Богу предпочёл Пушкина и пр. У вас же не так, иначе», - сказали автору читатели. Почему же иначе? Как раз к Ильину и к Садовскому обращается Праведник. Если же хотите иначе, то можно повернуть его слова иначе. Можно ко всей российской культуре обратиться со словами Иоанна Кронштадского, потому как замещение церковной жизни культурой, а писаний святых отцов – литературой началось в интеллигенции, т.е. в верхнем слое общества, а потом, при попустительстве церкви, распространилось по всему народному телу.

Но да не подумает читатель, что этой цитатой из Златоуста я намереваюсь записать Пушкина в число лжепророков в пику тем, кто возвёл его в пророческое достоинство. Не пророк он и не лжепророк, но просто – сладкозвучный певец, о чём сам Пушкин говорит в стихотворении «Поэт и толпа».

Впрочем, если правда только одна, а ложь многоименна и разнообразна, то значит, и «поэзию ради поэзии» нужно отнести ко лжи? Однако мы не об этом хотели сказать, а о том, что праведник во все времена был и будет несносен *неправо умствующим* (Прем.Сол.2:1), потому как *возвещает нам разум имети Божий и отрока Господня себе именует: бысть нам на обличение помышлений наших: тяжек есть нам и к видению, яко неподобно есть иным житие его, и отменны суть стези его* (Прем.2:13-15). Обличения праведника всегда неприятны, и редко отыскивается мудрец, который охотно их слушает. Слова пророков горьки, но по слову Златоуста, оказываются слаще всяких «звуков сладких», потому что словесными угрозами избавляют слушающих от действительных бед.

Что же касается «звуков сладких», то, желая точнее вспомнить словесное окружение этого пушкинского выражения, я перечитал стихотворение «Поэт и толпа» и удивился его лукавству. Начинается стихотворение словами: «Поэт по лире вдохновенной рукой рассеянной бряцал». И когда он так бряцал, поэта услышала толпа. «И толковала чернь тупая: «Зачем так звучно он поет?» Действительно, если петь, так петь с общественной пользой, поэтому толпа просит у поэта: «Нет, если ты небес избранник, свой дар, божественный посланник, во благо нам употребляй: сердца собратьев исправляй». Остановим грубый пересказ возвышенного пушкинского слога и вникнем в написанное поэтом.

Во-1-х, хорошо известно, что чернь во все времена просила хлеба и зрелищ, а великосветская чернь – изысканного хлеба и изысканных зрелищ, и, конечно, ни та, ни другая не станет просить об исправлении сердца. А если кто просит с покаянием: «Мы малодушны, мы коварны, бесстыдны, злы, неблагодарны; мы сердцем хладные скопцы, клеветники, рабы, глупцы; гнездятся клубом в нас пороки. Ты можешь, ближнего любя, давать нам смелые уроки, а мы послушаем тебя» - если кто просит именно так, то тот уже не чернь и не толпа, но – личность. Здесь Александр Сергеевич отступил от жизненной правды в угоду своему стихотворному замыслу.

А во-2-х, почему поэт решил, что кто-то должен просить его об исправлении сердца? По какому праву поэт приводит к себе людей с душевно-сердечными запросами? Кто он, чтобы исправлять других? Пророк? Священник? Учитель? Начальник? Судья? Ни то и ни другое. Он – сладкозвучный певец. Почему же певец решает, что чернь должна просить его «давать нам смелые уроки, а мы послушаем тебя»? Это опять ни на что не похоже. Или всё же ощущал за собой поэт Пушкин право учительства?

Тема присвоения литературой священнических, судебных, учительных и прочих прав требует особого разговора. Но если вкратце отвечать на вопрос, когда российская письменность решила, что она имеет право самостоятельно, т.е. без церковного благословения «давать смелые уроки», и в чьём лице она на это решилась, то можно указать на предшественника «пророка» Пушкина А.П.Сумарокова (1717-1777).

Директор первого учреждённого в России в 1759 г. публичного тетра А.П.Сумароков в статье «О русском духовном красноречии» пишет: «Разберём дарования и свойства /.../ известных и всей России риторов: Феофана, Гедеона, Гавриила, Платона...», и разбирает их. Не будучи специалистом в этом вопросе, я не берусь утверждать, но мне кажется, что данные «разборки» Сумарокова – вольность до него неслыханная. Конечно, Сумароков хвалит перечисленных лиц, но по ходу дела допускает остроты, которые в допетровское время не остались бы ненаказанными. Так он пишет: «Многие духовные риторы не имущие вкуса, /.../ дерзают во кривые к Парнасу пути, и вместо Пегаса обуздывают дикого коня, а иногда и осла, встащатся едучи кривою дорогою на какую-нибудь горку, где не токмо неизвестны музы, но ниже имена их, и вместо благоуханных нарциссов собирают курячью слепоту» и т.п.

Это цветочки, ягодки же – разбор речей архиереев. Посмотрим, как обосновывает Сумароков эту немыслимую для мирянина дерзость: исследовать «дарования и свойства» архиерейских проповедей? «Красноречие духовных не в истолковании Священного писания, но в проповедании оно и в наставлении добродетели ищется; чего ради, оставляя религию и катехизис, дело до моего предложения нимало не принадлежащее, я в проповедниках вижу собратий моих по единому их риторству, а не по священству. Итак, имея право говорить о них толико же, колико и они о мне, сколько их рассмотрение до них яко до почитателей словесности принадлежит».

Вот так. Зерно выбрасывается, и оставляется шелуха – витийство. «Религия и катехизис», т.е. православие – в сторону, и оставляется проповедание Писания, конечно же, по-своему разумеемое, и искание добродетели, тоже по-своему понимаемой. По Сумарокову выходит, что истолкование Священного Писания в духе святых отцов уже не главное, главное – риторство. А в следующих словах Сумарокова можно прочесть прямое покушение на архиерейский сан: «Я в проповедниках (т.е. архиереях, - Г.С.) вижу собратий моих (!) по единому их риторству...»

У Сумарокова мелькает даже такое выражение: «после Феофана опустошенный российский парнас, или церковь, лишённая риторской сладости смертью великого архиепископа, обрадовала Россию /.../ (далее говорится, чем она обрадовала Россию, - Г.С.)». Тут уже не парнас сравнивается с церковью (в таком случае надо было бы сказать: церковь, или парнас), но прежде церкви поставляется парнас и называется церковью. Если это не хула на церковь, то что это?

Впрочем, мы отвлеклись, но затем и отвлеклись, чтобы указать на истоки мыслей Пушкина о приходящей к нему за наставлением черни. Продолжим чтение

стихотворения. Итак, приходит ищущая наставлений толпа к поэту на Парнас и что же слышит? «Подите прочь – какое дело поэту мирному до вас! В разврате каменейте смело, не оживит вас лиры глас!»

Вот те раз! Зачем же гнать ищущих доброй жизни людей? Да еще в окаменевающий разврат, словно в асфальт, их закатывать? Зачем не отправить туда, куда должны идти заблудшие души – в церковь? Зачем не сказать: друзья, вы не по адресу обратились, я всего-навсего певец, пою по вдохновенью, что хочу и когда хочу, а вы идите в храм, там вас научат доброму сердцу? «Подите прочь» - вот и вся забота певца о толпе, которая нужна ему только для того, чтобы пропеть своё красное словцо.

Скажу более. Ложь лежит в самой сути этого стихотворения. Ибо, зачем было поэту бряцать на лире, привлекать к себе внимание толпы и разговаривать с ней? Чтобы в итоге прогнать её прочь? Но ведь это лукавство. Если же поступать честно, а не по-змеиному, то надо было сразу отойти в сторону, чтобы тебя никто не слышал, и бряцать там себе сколько угодно.

Стихотворение «Поэт и толпа» выдуманно ради последних его строк: «Не для житейского волнения, не для корысти, не для битв, мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв». Эти четыре строки я и хотел освежить в памяти, да вот пришлось всё стихотворение прочесть, и эту, прежде сокрытую от меня ложь открыть. Как же объясняет поэт отказ служить толпе, которой он бросает фразу «тебе бы пользы всё»? Объясняет так: «Но, позабыв свое служенье, алтарь и жертвоприношение, жрецы ль у вас метлу берут?»

Заблуждаетесь, Александр Сергеевич, *не зная Писаний, ни силы Божией* (Мф.22:29). Человеколюбивые жрецы берут не только метлу, но и самую нечистоту тех, кто приходит к ним за советом и помощью. Потому что так поступил призвавший их на служение Первосвященник Иисус Христос, *Который однажды принеся Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение* (Евр.9:28). И в другом месте Апостол пишет: *Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи* (Евр.4:15,16).

И пусть нас не прельщает последнее слово пушкинского стихотворения – «молитва». Оно стоит здесь только ради рифмы. Что значило для Пушкина это слово? Заниматься этим вопросом церковным людям так же пустопорожне, как разбирать, что понимает под молитвой приходящий в храм 2-3 раза в год человек, чтобы поставить там свечку. Что понимал Пушкин под молитвой? Что угодно, только не науку из наук и не искусство из искусств. Так зачем нам такие «молитвы» разбирать?

А рифма, конечно, красивая: «битв - молитв». Вот и гуляет она по нашим умам почти 200 лет, прельщая всех сладким звучанием, и долго ещё будет прельщать, потому что правду и обличения редко кто хочет слушать, а сладкие звуки приятны всем.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться (Еккл.1:9). Как слушали, так продолжают слушать «пророков», т.е. писателей и поэтов, потому что они сладко поют. Как слушали, так продолжают слушать проповедников нового «откровения», т.е. литературы, потому что они умно говорят. Как слушали, так продолжают слушать составителей «национального символа веры», потому что они

льстят национальному самолюбию. И в этой «национальной вере» место верховного пророка отводится Пушкину. Впрочем, всё по порядку. Истинного Кронштадского пастыря мы выслушали, теперь послушаем других пастырей.

Яко оскуде преподобный

«Надо считаться с тем, как умело таит себя Пушкин, и как был правдив и подлинен он в своей поэзии, при суждении об этих сравнительно немногих высказываниях, чтобы оценить во всем значении эти вехи сокровенного его пути к Богу. И эти вехи приводят нас к тому, что является не только вершиной пушкинской поэзии, но и всей его жизни, ее величайшим событием. Мы разумеем *Пророка*. В зависимости от того, как мы уразумеваем *Пророка*, мы понимаем и всего Пушкина. Если это есть только эстетическая выдумка, одна из тем, которых ищут литераторы, тогда *нет* великого Пушкина, и нам нечего ныне праздновать. Или же Пушкин описывает здесь то, что с ним самим было, т. е. данное ему видение божественного мира под покровом вещества?» (Везде курсив автора, - Г.С.).

Это пишет в 1937 году протоиерей Сергей (Булгаков) в статье «Жребий Пушкина». Пишет, не мелочась: или Пушкин есть, или его нет, «и нам нечего ныне праздновать». А праздновали широко и шумно, все и всюду. Красные и белые низко склонялись перед своим национальным гением по обе стороны разорванной надвое России. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть имена авторов, написавших статьи к 100-летию смерти Пушкина.

Правда, не совсем понятно, почему поводом для шумных торжеств была выбрана дата смерти. Все нормальные мирские люди отмечают день рождения. Впрочем, тогдашнее поколение в сравнении с нынешними мирскими людьми ещё не так далеко ушло от церкви, чтобы забыть, что Церковь празднует именно дату смерти как дату рождения в вечность. Значит, помнили ещё, что смерть это и есть рождение. Но почему нужен непременно Пушкин-пророк? Почему нельзя почитать Пушкина-поэта? Прямо наваждение какое-то. И все до единого писатели, где бы они не находились: в СССР или за его пределами, хотят только одного – остаться прельщёнными пушкинской поэзией. Но продолжим чтение о.Булгакова.

«Сначала здесь (т.е. в стихотворении «Пророк», - Г.С.) говорится о томлении духовной жажды, которое его гонит в пустыню: уже не Аполлон зовет к своей жертве "ничтожнейшего из детей мира", но пророческий дух его призывает, и не к своему собственному вдохновению, но к встрече с шестикрылым серафимом, в страшном образе которого ныне предстает ему Муза. И вот:

Моих зениц коснулся он –
Открылись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

За этим следует мистическая смерть и высшее посвящение (вставка о.Булгакова, - Г.С.).

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои

Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал...

И после этого поэт призывается Богом к пророческому служению: «Исполнишь волею Моей». В чем же эта воля? «Глаголом *жги* сердца людей!» (курсив о.Булгакова, - Г.С.)

Как чудовищно легко бросаются словами литераторы! Ведь только что сказал, что некая Муза предстала поэту в образе серафима (обращаю внимание читателей на это выражение: Муза в образе серафима), только что сказал, что некий «пророчесственный дух его призывает», и продолжает: «после этого поэт призывается Богом к пророческому служению: Исполнишь волею Моей».

Лёгкость профессорской мысли необыкновенная! Каким «Богом» призывается поэт? К какому «пророческому» служению? Да что, наконец, понимает отец Сергей под «Богом»? Спросим его: отец Сергей, что Вы понимаете под «Богом»? «Как что? - удивится он. - Верую во единого Бога Отца...». И прочтёт Символ веры на пяти-семи языках. Но где эти слова написаны? На поверхности мозга? А в глубине сердца что?

Мне кажется, что в лице отца Сергея мы сталкиваемся с той разновидностью суеверия, которое изображается в учебниках по истории, когда речь заходит о тёмных и невежественных крестьянах, веривших в существование болотных нетопырей больше, чем в Бога. (*) Такой крестьянин рядом с иконами вешал подковы и *обереги*. Так и наш профессор, не моргнув глазом, ставит в один ряд Бога и Музу. Но в отличие от отца Сергея «тёмный» крестьянин чистосердечно верил и иконе, и *оберегу*, а наш книжник не верит никому: ни Богу, ни Музе. Кому же он верит? Своему собственному велеречию. *Язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть?* (Пс.11:5).

(*) У другого «пророка» от литературы, С.Есенина, об этом сказано так: «Бедные, бедные крестьяне! / Вы, наверно, стали некрасивыми, / Так же боитесь Бога и болотных недр».

К какому же пророческому служению может призвать «Бог», которому служит ангел по имени Муза? Знает ли о.Булгаков, в чём заключается смысл служения истинному Богу? О, он всё знает, он и нас с вами, уважаемый читатель, научит тому, что значит быть пророком. Только знает он всё это на словах. Ну, а сердцем? *О несмысленная и косная сердцем, еже веровати о всех, яже глаголаше пророцы! Не сия ли подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою? И начен от Моисея и от всех пророк, сказаши има от всех Писаний, яже о Нем* (Лк.24:25-27). Вот цель и смысл пророческого служения – сказать о Нём!

Где же Пушкин в стихотворении «Пророк» говорит о Христе Боге? Нигде. Так какое же он «пророческое служение» совершает? Никакого. Неужели священник этого не знал? Конечно, знал. Зачем же городит огород Музами? Ох-ох-ох, *спаси мя Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишиася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устны льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая* (Пс.11:1-3).

Рассмотрим замечание о.Булгакова, сделанное им посреди стихотворения «Пророк»: «За этим следует мистическая смерть и высшее посвящение». Это замечание вновь выдаёт нам бумажную веру священника.

Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? /.../ Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим.6:3,11). Вот единственная мистическая смерть христианина – умереть для греха. Каких ещё смертей ему искать? Впрочем, есть у христиан помимо таинства крещения другая «мистическая смерть». Я разумею монашеский постриг.

О значении и о смысле пострига в «Последовании монашеского пострига (еже есть мантия)» говорится так: «Абие же игумен постригает верх главы его крестообразно, глаголя, и новое имя ему нарицая: «Брат наш (имя рек), постригает власы главы своея, в знамение отрицания мiра, и всех яже в мiре, и во отрезание своея воли, и всех плотских похотей, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа: рцем вси о нем, Господи, помилуй».

Монашеский постриг христианина это следующее после крещения умирание для мiра и, следовательно, следующая ступень восхождения к Богу. Но в монашеской «смерти» ничто не вырывается и не вставляется человеку. Человек остается человеком, а не полу-автоматом с заменёнными частями.

«А как же, - спросит читатель, - отрезание воли, которое символически совершается в пострижении волос?»

Отрезаются старые волосы в знак отложения ветхого человека, и будут расти новые волосы из тех же корней. То же совершается с волей человека. Отрезается прежняя греховная воля, и начинает расти новая воля в послушании и подчинении старцу, который должен этому росту помочь. Но воля-то у человека не отнимается, она – обрезывается, чтобы росла новая воля. Эта новая, монашеская, Богоугодная воля будет укрепляться в отвержении прежней греховной воли, но это будет выросшая в послушании, а не чья-то чужая, навязанная извне воля.

То же с пророками. Бог никогда не отнимал воли у Своих пророков. (*) Да, конечно, Он строго требовал от пророков послушания Себе, но никогда не вырывал их воли с корнем. Более того, Божие воздействие на пророков всегда опиралось на их человеческие способности, т.е. на воспитание, образование, вкусы и т.д. Поэтому пушкинские слова «вырвал язык» и «вложил жало» не отвечают сути христианских таинств и более напоминают масонский ритуал с завязыванием глаз черной повязкой.

Я не берусь утверждать, но мне кажется, что завязывание глаз во время посвящения в масоны означает отказ человека от собственного зрения и предание себя в руки того, кто его водит. То есть символически проделывается нечто похожее на пострижение, когда новопостриженный мних (***) предаёт себя в послушание старцу. Однако два этих мистических действия – завязывание глаз и пострижение волос – похожи только внешне, по сути же они различны, как небо и земля. Почему?

(*) Вернее, только в исключительных случаях Бог отнимает волю у Своих пророков. См. Числа, глава 24.

(**) «Хотя слово «монах» почитают взятым из греческого языка, однако ж слово «мних» (растянутое потом подражательно греческому в «монах»), могло легко произойти от славенского «мний» (меньший), поскольку люди в монашеском звании по

образу смирения своего всегда себя унижают, называясь меньшими всех, недостойными». (А.С. Шишков).

Завязывание глаз равнозначно лишению зрения, т.е. отнятию у человека личной оценки окружающего мира и, стало быть, его воли. Тогда как в постриге воля у монаха не отнимается, но подчиняется духовному отцу. Здесь кроется принципиальная разница этих «мистических смертей»: у масона воля отнимается, а у монаха она – обрезывается. Интересно заметить и следующее. Посвящаемый масон водится с завязанными глазами старшим масоном. Но ведь и старшему в своё время также завязывали глаза другой масон, которому тоже завязывали глаза... Что же выходит? Все масоны ходят с завязанными глазами? Непонятно, как этот очевидный и ужасный факт, что все масоны ходят с черными повязками на глазах, не приходит им в голову?

Впрочем, это не наше дело. Господь сказал Своим ученикам: *оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму* (Мф.15:14). И ещё сказал: *всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится* (Мф.15:13).

Мёртвая петля отца Сергия

Читаем о Булгакова дальше. «Если бы мы не имели всех других сочинений Пушкина, но перед нами сверкала бы вечными снегами лишь эта одна вершина, мы совершенно ясно могли бы увидеть не только величие его поэтического дара, но и всю высоту его призвания. Таких строк нельзя *сочинить* (курсив автора, - Г.С.), или взять в качестве литературной темы, переложения, да это и не есть переложение. Для пушкинского Пророка нет прямого оригинала в Библии. Только образ угля, которым коснулся уст Пророка серафим, мы имеем в 6-й главе кн. Исаии. Но основное ее содержание, с описанием богоявления в храме, существенно отличается от содержания пушкинского Пророка: у Исаии описывается явление Бога в храме, в Пророке явленная софийность природы. Это совсем разные темы и разные откровения. Однако, и здесь мы имеем некое обрезание сердца, Божие призвание к пророческому служению. Тот, кому дано было сказать эти слова о Пророке, и сам ими призван был к пророческому служению».

Опять мы видим скачущую, яко елень, мысль профессора. Сперва он пишет: «Это совсем разные темы и разные откровения». И тут же продолжает: «Однако, и здесь мы имеем некое обрезание сердца, Божие призвание к пророческому служению».

Мы тоже хотели сказать, что 6-я глава книги Пророка Исаии и стихотворение А.С.Пушкина «Пророк» это совсем разные темы и разные откровения. Однако не замолчать, но заострить это противоречие мы намерены, утверждая, что образы стихотворения «Пророк», связанные с вырванным языком и вставленным углем, взяты из духовного мира, несогласного с духовным миром Священного Писания. И даже более, эти образы продиктованы нехристианским духом, ибо если какой-либо дух не согласуется с Писанием и Преданием церкви, то он чужд Православию. (*)

(*) Откуда мы это знаем? От Господа, возвестившего через Пророка Исаяю православным христианам: *И вот завет Мой с ними, говорит Господь: Дух Мой, Который на тебе, и слова Мои, которые вложил Я в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст потомства твоего, и от уст потомков потомства твоего, говорит Господь, отныне и до века (Ис.59:21).*

Однако в последнем предложении мы сами оплошали. Потому что, как не сторонились мы политики, как не хотели выгородить Пушкина, как не старались оставить ему одну только поэзию, но пришлось всё же признать, что «се ля ви», жизнь такова, что никуда в ней от политики не деться даже «поэзии ради поэзии».

Конечно, не о политике как таковой мы сейчас говорим, но о высшей жизненной правде. Мы говорим, что никуда не деться в этой жизни от Христа Бога, сказавшего: *кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает (Мф.12:30)*. И эти Христовы слова есть та главная «политическая линия», та великая Божия правда, на которую если закроешь глаза в жизни временной, то закроешь их для Бога уже навсегда.

О.Булгаков пишет: «Таких строк нельзя *сочинить*, или взять в качестве литературной темы, переложения, да это и не есть переложение». Но если таких строк нельзя сочинить, значит, они были получены как откровение? Значит, мы тем более правы, когда, опираясь на замеченную самим о.Булгаковым разницу, говорим, что пушкинское откровение и откровение Пророка Исаии получены ими из разных духовных миров. В чём же разница?

У Пророка Исаии сказано: *Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен (Ис.6:6-7)*. А у Пушкина: «И он мне грудь рассек мечом, / и сердце трепетное вынул, / и уголь, пылающий огнем, / во грудь отверстую водвинул».

Разница в том, что Исаиных уст уголь только коснулся в знак очищения от мирской скверны. Так символически с пророком совершилось то, что совершается в христианском крещении и монашеском пострижении – очищение от греха. А у Пушкина сердце было не обрезано, но вырезано и заменено углем. Поэтому странно читать булгаковские слова: «Однако, и здесь мы имеем некое обрезание сердца, Божие призвание к пророческому служению».

У Пушкина чёрным по белому написано: «и сердце трепетное вынул», а о.Булгаков пишет: «мы имеем обрезание сердца». Т.е. читает не то, что написано, а что хочется прочесть. Обрезание сердца через касание уст углем совершается вовсе не у поэта Пушкина, а у Пророка Исаии.

Нет нужды говорить, что у них обоих описаны не действительные события, но образы. Ибо, если бы настоящий уголь коснулся уст Пророка, он не смог бы говорить, и если бы сердце действительно было вынуто из груди поэта, он не написал бы стихотворения. Но мы-то знаем, что образы диктуются личностями. Мы знаем, что за образом всегда стоит тот, кто через вкладываемый в ум человека образ хочет научить его следовать себе.

И мы видим совершенно различную природу пророческого и пушкинского образов, ибо у поэта не только язык заменяется на жало, но и самое сердце вырывается,

чтобы водворить на его место «уголь, пылающий огнём», а у Пророка уголь всего-навсего касается его уст. Почему? По причине всё той же разницы, которую мы увидели между обрядом монашеского пострижения и ритуалом масонского посвящения. В первом воля человеческая обрезывается, а во втором – стирается и заменяется иной волей. В первом совершается болезненное очищение человека, а во втором – уничтожение его личности.

Дорогой читатель, если хотите почтить меня за очередного писателя, сочиняющего оригинальный взгляд на гениальное пушкинское стихотворение, пожалуйста, сочтите меня за очередного писателя, я не возражаю. Но если доводить до окончательной ясности сопоставление образов Исаии с образами Пушкина, то итоговая картина открывается такая.

Если и призван был поэт Пушкин на пророческое служение, то не тем Богом, Который призвал Пророка Исайю, потому что никогда Бог Исаии не позволит Себе вырвать человеческие язык и сердце. Он их смиренно просит: *Сын мой! отдай сердце твое Мне, и глаза твои да наблюдают пути Мои* (Прит.23:26). Следовательно, если и было дано откровение поэту Пушкину, то из духовного мира, чуждого миру Пророка Исаии.

Образы Исаии уже потому не могут совпадать с образами Пушкина, что если у Пророка Господь просит сердце, чтобы показать ему Свои пути, т.е. пути ко спасению и вечной жизни, то у масонов, вернее у того, кто за ними стоит, мы должны подозревать обратное. При той чрезвычайной скрытности, которой окружают себя масоны, что нам остаётся думать? Остаётся думать, что самый главный масон всех лож – диавол – просит своих «братьев» и «сыновей»: «Вырвите мне ваши сердца и завяжите глаза, чтобы они не видели путей моих, потому что они ведут в погибель».

Кто же призвал Пушкина? Судя по всему, с поэтом произошло именно то, чего боится всякий верующий человек, и чего избежать умоляет Господа, например, преподобный Симеон Новый Богослов: «да не кроме обрет мя Твоея благодати, прелестник восхитит мя льстивне, и прельстив отведет Боготворящих Твоих словес» (*). Обольститель предстал поэтическому взору Пушкина в образе серафима и велел ему: «исполнись волею моею». Поэтому в последней строке стихотворения «Пророк» вместо слова «жги» надо читать: «глаголом **льсти** сердца людей». (**)

(*) Молитва 7-я ко Святому Причащению.

(**) Современный исследователь творчества А.С.Пушкина пишет, что в «Пророке» «описаны все стадии масонского посвящения в кишиневской ложе «Овидий». Повязка на глазах – деталь обряда, символ духовной слепоты. /.../ Таким же знаком было символическое рассечение груди, когда к ней приставляли циркуль, по которому ударял молотком мастер. «И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул». Иногда посвящаемый ложился в гроб, чтобы потом воскреснуть к новой жизни. «Как труп, в пустыне я лежал». Снятие повязки с глаз изображено как высшее озарение: «Отверзлись вещие зеницы, / Как у испуганной орлицы. / И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье». К.Кедров. Под градусом Пушкина.

И в завершение рассмотрим ещё одно предложение о.Булгакова: «Тот, кому дано было сказать эти слова о Пророке, и сам ими призван был к пророческому служению». Это высший словесный пилотаж! Это восхитительная «мёртвая петля», закрученная легкрылым пером отца Сергия. Но ведь стоило только немного задуматься о написанном, чтобы увидеть бездонную пустоту этого предложения.

Сказавший слова был призван сказанными словами... Что это? Это именно петля, которую отец Сергий завязал на разуме читателя. Это идолизация мысли в самой себе. Ибо, чтобы слова призвали, необходимо, чтобы они были прежде сказаны, не так ли? Если же слова не сказаны, то как они могут призвать?

В оцепеневающем восторге смотрю на сотворённого в одном предложении словесного идола и чувствую, что лишаюсь разума. Непревзойдённого мастера словесных фигур о.Булгакова я не в силах понять, и поэтому не дерзаю читать его книг. Зато стоит на моей книжной полке томик пушкинской поэзии, подаренный мне по окончании Духовной семинарии её начальством. Зачем подаренный? Зачем стоит? В предисловии этого сборника некто Н.Скатов пишет очередные умные слова: «Пушкинский «Пророк» вырастает из тысячелетий. Более того, сравнительная сдержанность и повествовательность ветхозаветного текста (сюжет обращает нас к библейскому пророку Исаии) у Пушкина сменяется неистовой страстностью, усвоенной поэтом в мусульманской книге пророчеств. Пушкинский пророк как бы заключил в себе Библию, усиленную Кораном».

Что на это сказать? Время идёт неумолимо, и скоро мы все дадим ответ за свои слова и свои дела на Страшном Божиим Суде.